

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 5, pp. 1256–1270, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1256-1270
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(571.54)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1256-1270

Бурятия 1920-х гг. в путевом дневнике немецкого врача Карла Вильманса

Всеволод Юрьевич Башкуев¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
 (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0003-4300-9403. E-mail: vbashkuev@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Башкуев В. Ю., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья базируется на путевом дневнике немецкого врача, профессора медицины Карла Вильманса, отразившем впечатления от поездки в 1926 г. в Бурят-Монголию. Гейдельбергский психиатр Карл Вильманс и дерматовенеролог из Мюнстера Альфред Штюмер входили в состав организаторов совместной советско-германской экспедиции 1928 г. в Бурят-Монгольскую АССР (далее — БМАССР) для изучения сифилиса. Летом 1926 г. они предприняли рекогносцировочную поездку в БМАССР для первичной оценки ситуации. Их визит определил ход дальнейшей подготовки экспедиции, научные и практические повестки советской и германской сторон. *Цели и задачи исследования.* Статья направлена на выделение из общего нарратива документа описаний и характеристик Бурят-Монголии, ее многонационального населения и культуры; данный материал анализируется в политическом и культурном контексте советско-германского медицинского сотрудничества 1920-х гг. *Результаты.* Получены неизвестные ранее сведения о городе Верхнеудинске и Хоринском аймаке БМАССР эпохи НЭПа. В частности, обрисована атмосфера повседневной жизни небольшого города на периферии СССР, описаны его жители, выделены особенности экономического состояния региона, описания природы, объектов материальной и нематериальной культуры. Получены данные о состоянии отрасли здравоохранения в БМАССР, а также новые данные о состоянии здоровья населения республики. Проанализированы материалы дневника и другие архивные материалы о претензиях к немецким профессорам, предъявленных им уже после возвращения на родину. *Заключение.* Материалы дневника К. Вильманса опровергают устоявшееся у советской стороны мнение о расистском характере его исследований. Напротив, рассуждения К. Вильманса свидетельствуют о симпатии к бурятскому народу, сопереживании его проблемам, желании приложить усилия для помощи ему. Довольно скудное медицинское наполнение дневника компенсируется обнаруженными в Государственном архиве Российской Федерации отчетными документами К. Вильманса и А. Штюмера о поездке в БМАССР летом 1926 г.

Ключевые слова: Бурят-Монголия, СССР, Веймарская Германия, сотрудничество, путевой дневник, Верхнеудинск, врачи, буряты, Додо-Анинск, ламы, Домно-Еравна, сифилис

Благодарность. Автор выражает благодарность М. А. Кононовой за помощь в переводе дневника К. Вильманса. Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00031).

Для цитирования: Башкуев В. Ю. Бурятия 1920-х гг. в путевом дневнике немецкого врача Карла Вильманса. *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 5. С. 1256–1270. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1256-1270

UDC 94(571.54)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1256-1270

Buryatia of the 1920s in the Travel Journal of German Physician Karl Wilmanns

*Vsevolod Yu. Bashkuev*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS

(6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-4300-9403. E-mail: vbashkuev@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Bashkuev V. Yu., 2020

Abstract. Introduction. The article is based on the travel diary of German doctor Karl Wilmanns reflecting his impressions of the trip to Buryat-Mongolia. K. Wilmanns, a psychiatrist from Heidelberg, and A. Stühmer, a venereologist from Münster, were members of the group to have organized the joint 1928 Soviet-German expedition for the study of syphilis in Buryat-Mongolia. In the summer of 1926, they undertook a reconnaissance trip to the BMASSR for an initial assessment of the situation. Their visit determined the course of further preparatory arrangements, scientific and practical agendas of the Soviet and German sides. **Goals.** The article is aimed at singling out of descriptions and characteristics of Buryat-Mongolia, its multinational population, and cultures from the general narrative of the document and analysis of this material in the political and cultural contexts of the Soviet-German medical cooperation of the 1920s. **Results.** The study reveals some previously unknown information about the city of Verkhneudinsk and Khorinsky Aimag of the BMASSR during the NEP era. In particular, the travel journal outlines the atmosphere of daily life in a small town in the periphery of the USSR, describes its residents and features of the region's economic conditions, highlights its nature and objects of tangible and intangible culture. The document also provides insight into the healthcare system of the BMASSR, as well as new data on the physical condition of the republic's population. The diary's materials proved essential in further analysis of archival materials about the subsequent conflict between Soviet and German participants that arose after the Germans returned to their homeland. **Conclusions.** The investigation of materials contained in Wilmanns' diary disprove the Soviet-era belief that his research was racist. On the contrary, Wilmanns' reasoning demonstrates sympathy to the Buryat people, empathy for their problems, and a desire to help them. The rather meager medical content of the diary is compensated by Wilmanns and Stühmer's reports on their trip to the BMASSR in the summer of 1926 which were discovered in the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: Buryat-Mongolia, USSR, Weimar Germany, cooperation, travel journal, Verkhneudinsk, doctors, Buryats, Dodo-Aninsk, lamas, Domno-Yeravna, syphilis

Acknowledgements. The author extends gratitude to M. A. Kononova for her assistance in the translation of K. Wilmanns' diary. The reported study was funded by Russian Science Foundation (project no. 19-18-00031).

For citation: Bashkuev V. Yu. Buryatia of the 1920s in the Travel Journal of German Physician Karl Wilmanns. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1256–1270. (In Russ). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1256-1270

Введение

Летом 1926 г. Бурят-Монгольскую АССР (далее — БМАССР) посетили с научным визитом два немецких профессора медицины — нейропсихиатр, директор психиатрической клиники в Гейдельберге Карл Вильманс (1873–1945) и дерматовенеролог из Мюнстера Альфред Штюмер (1885–1957). Их поездка была частью набравшего обороты научно-медицинского сотрудничества Советского Союза и Веймарской Германии. В этом контексте изучение проблем здоровья бурят неожиданно сформировало важный, но пока недостаточно разработанный современными учеными сюжет. Его центральной темой является история совместной советско-германской экспедиции 1928 г. по изучению эндемического сифилиса в Бурят-Монголии.

В условиях международной изоляции Советской России и Германии организация подобного научно-медицинского мероприятия имела большое политическое значение. Поэтому трехмесячной работе экспедиции в БМАССР (с конца мая по начало сентября 1928 г.) предшествовал почти трехлетний подготовительный этап (с лета 1925 г. по весну 1928 г.). В ходе переговоров и консультаций с участием высших официальных лиц СССР (М. И. Калинин, Н. П. Горбунов, А. В. Луначарский, Н. А. Семашко) и представителей научного истеблишмента Германии (Ф. Шмидт-Отт, О. Фогт) выявлялись и сглаживались возможные противоречия, обсуждались научные повестки советских и немецких медиков, решались логистические вопросы. Эти аспекты привлекли внимание российских и зарубежных историков, с начала 1990-х гг. изучавших политические и геополитические подтексты этого взаимодействия [Solomon 1993; Solomon 1995; Solomon 1996; Башкуев 2012; Башкуев 2014; Башкуев 2016; Башкуев, Шеноева 2019; Ратманов, Кирик 2019]. Исследования вызвали резонанс и в сообществе историков медицины, вступивших в

полемику по поводу медицинских аспектов и научного значения советско-германской экспедиции 1928 г. [Прохоренков, Обухов, Родиков 2011].

В фокусе данной статьи путевой дневник одного из протагонистов истории о совместной экспедиции профессора Карла Вильманса, который он вел во время поездки в Бурят-Монголию летом 1926 г. Документ был обнаружен канадским историком Сьюзан Гросс Соломон у дочери К. Вильманса — Рут Литц, живущей в США, и опубликован на немецком языке в Германии в 1995 г. [Wilmanns 1995]. Путевой дневник Карла Вильманса уникален тем, что в нем подробно описаны реалии повседневной жизни Бурятии середины 1920-х гг. — самого разгара эпохи НЭПа. Однако в России документ практически не вводился в научный оборот, да и в западной исторической науке он редко цитируется вне исследований Сьюзан Гросс Соломон.

Цель исследования — выделение из дневникового нарратива описаний Бурят-Монголии, населяющих ее людей и культур и анализ этих наблюдений в политическом и культурном контексте советско-германского сотрудничества 1920-х гг. Благодаря наблюдательности К. Вильманса и его своеобразной манере заострять внимание на бытовых аспектах в распоряжение исследователей попал уникальный материал, способный оживить и дополнить любое историческое исследование в совпадающих с нашими географическими и хронологическими рамками.

Материалы и методы

Источниковая база данной проблемы отличается разнообразием. Часть архивных документов на русском и немецком языках собрана в целиком посвященном экспедиции деле в Государственном архиве Российской Федерации [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 59]. Другие рассредоточены по описям фонда Наркомздрава РСФСР

[ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35, 55] или хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 58]. Материалы на немецком языке находятся в Потсдамском филиале Федерального архива ФРГ [ВАР]. Отчеты и научные результаты экспедиции публиковались в советских и германских медицинских журналах в конце 1920-х – середине 1930-х гг. [Броннер, Бейлин 1936; Трубочев 1936], а в общем ходом работ следила советская пресса [Бурят-Монгольская Правда 1928; Бурят-Монгольская Правда 1929; Вечерняя Москва 1928]. Советско-германскую экспедицию 1928 г. специально сопровождала съемочная группа концерна «Совкино» в составе режиссера Л. Степановой и оператора В. Беляева, выпустившая в 1929 г. документальный фильм «По Бурято-Монголии» [По Бурято-Монголии 1929]. В научно-медицинской библиотеке Республиканского центра медицинской профилактики Министерства здравоохранения Республики Бурятия, а также в личных архивах осталось несколько десятков фотографий, запечатлевших участников экспедиции в рабочих и бытовых ситуациях.

В разнообразии документальных источников по советско-германской экспедиции 1928 г. отчетливо не хватает регионального культурного компонента. Официальная переписка и медицинские описания сугубо утилитарны и не могут дать объемного образного видения реалий жизни на периферии Советского Союза в разгар эпохи НЭПа. Между тем можно смело утверждать, что дневник К. Вильманса содержит самые детальные описания города Верхнеудинска и Хоринского аймака БМАССР, сделанные иностранным путешественником в довоенный период.

Результаты

Предыстория путешествия в Бурят-Монголию летом 1926 г. важна для понимания как деталей изучаемого сюжета, так и особенностей советско-германского медицинского сотрудничества в 1920-х – начале 1930-х гг. В современной историографии отношения СССР и Веймарской Германии в период с 1921 г. по 1933 г. часто рассматриваются как вынужденное сближение двух основных геополитических изгоев

Версальского миропорядка [Solomon 1993: 205]. Потерявшая колонии и рынки сбыта, ограниченная в развитии ключевых отраслей экономики (тяжелое машиностроение, авиастроение, судостроение, химическая промышленность) Германия использовала открывшийся после подписания в апреле 1922 г. Рапалльского договора путь на восток для реализации своих внешнеполитических амбиций.

Сотрудничество в области медицины в значительной степени приспособило немецкую концепцию жизненного пространства (*Lebensraum*) к реалиям международной обстановки. Английский историк медицины Пол Уайндлинг считает, что деятельность немецких научно-медицинских учреждений в Советской России и организация совместных исследований имели геополитическую подоплеку. Основанная Генрихом Цейссом Центральная бактериологическая лаборатория в Москве позиционировалась немцами как станция раннего оповещения об эпидемиях для всей Европы. Испытания препаратов фирмы «Байер» против трипаносомоза «Германин» и «Наганол» в поволжских и киргизских степях продвигали на советский рынок новые медикаменты; совместные исследования на проблемной с медицинской точки зрения периферии СССР компенсировали германским ученым отсутствие экспериментальных лабораторий в колониях. Цейсс, немецкий гигиенист и специалист по тропической медицине, с 1921 г. прочно обосновавшийся в Москве с санкции самого В. И. Ленина [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 40. Л. 1–5], надеялся через исследования в азиатской части СССР расширить «жизненное пространство» и культурное влияние Германии на Афганистан, Белуджистан и Персию [Weindling 1996: 46–51].

Наш сюжет органически вплетается в данную парадигму. Нейропсихиатр Карл Вильманс был автором спорной гипотезы. Он считал, что систематическое лечение сифилиса сальварсаном (препарат 606, изобретенный П. Эрлихом в 1907 г.; в продаже с 1910 г.) и неосальварсаном (препарат 914, усовершенствованный сальварсан для внутривенного применения) запускает процесс мутации бледной спирохеты. Вместо поражения кожи и слизистых оболочек микроорганизм начинает атаковать нервную систему, вызывая нейросифилис, приводя-

ций к прогрессивному параличу, спинной сухотке, сумасшествию [Solomon 1993: 212]. К. Вильманс полагал, что в развитых европейских странах сальварсанотерапия приводит к увеличению случаев нейросифилиса. Однако среди нецивилизованных народов, где сифилис проявляется в многообразии кожных и костных поражений, нейросифилис практически отсутствует или встречается крайне редко [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 37. Л. 27–28]. Для доказательства своей теории К. Вильманс нуждался в больших группах страдающих сифилисом людей, никогда не подвергавшихся сальварсанотерапии. К тому времени найти такое население в Европе не представлялось возможным, а бывшие германские колонии отошли к победителям. Единственная возможность для исследования существовала на востоке России, где с царских времен значительное распространение сифилиса связывалось с экономической и социальной отсталостью населения [Энгельстайн 2000].

Вовлечение Бурят-Монголии в советско-германское медицинское сотрудничество было результатом удачного стечения обстоятельств и личной заслугой В. М. Броннера (1876–1939), уроженца Верхнеудинска, близкого помощника наркома здравоохранения Н. А. Семашко и одного из создателей социальной венерологии в СССР. В. М. Броннер был в числе организаторов и руководителей первых четырех всесоюзных съездов по борьбе с венерическими болезнями (1923, 1925, 1929 и 1937 гг.) [Мавров 2009: 86]. Случилось так, что на II Всесоюзный съезд по борьбе с венерическими болезнями, состоявшийся в 1925 г. в Харькове, приехали два известных немецких венеролога — Йозеф Ядассон и Феликс Пинкус из германского Общества борьбы с венерическими болезнями. На заседаниях съезда они слышали о серьезной проблеме с сифилисом в Бурят-Монголии и заинтересовались этой темой. Они точно знали, кого в Германии этот вопрос не оставит равнодушным.

Безусловно, интерес немецких венерологов подогревался хорошо осведомленными советскими коллегами. В БМАССР с 1924 г. успешно работали венерологические отряды, но перспектива германской помощи открывала новые возможности в изучении сифилиса и в борьбе с этой болезнью.

Кроме того, у Коминтерна были особые планы в отношении бурят: их предполагалось использовать как проводников советского влияния в монгольском ареале Центральной Азии, а Бурят-Монголию — в качестве примера успешной большевистской модернизации нацменьшинств [Башкуев 2016].

29 января 1926 г. в берлинской квартире главы представительства Наркомздрава РСФСР в Германии Я. Р. Гольденберга состоялось установочное совещание немецких профессоров К. Вильманса, А. Штюмера, О. Фогта и их советских визави во главе с В. М. Броннером. На встрече было окончательно решено, что экспедиция направится в БМАССР. Ее начало ориентировочно наметили на весну 1927 г., а продолжительность определили в четыре месяца. Также были обговорены предварительный визит К. Вильманса и А. Штюмера в Москву и рекогносцировочная поездка в Бурят-Монголию в мае–июне 1926 г. [Башкуев, Шеноева 2019: 49].

Путешествие К. Вильманса и А. Штюмера началось на берлинском вокзале Фридрихштрассе 23 мая 1926 г. Здесь в 7:40 вечера два профессора сели в спальный вагон поезда, идущего в Ригу. Из Риги в 00:30 25 мая на московском поезде они отправились в СССР. Прибыв в Москву ранним утром 26 мая, они попали в заботливые руки доктора Критштайна, представителя Наркомздрава РСФСР, коллеги В. М. Броннера. Он и сопровождал их в качестве переводчика в Забайкалье, так как сам В. М. Броннер вследствие большой занятости был вынужден отказаться от поездки на родину [Wilmanns 1995: 50].

В столице немецкие профессора провели насыщенную визитами и экскурсиями неделю. Вечером 1 июня 1926 г. трое путешественников сели в мягкий вагон поезда, идущего на восток. Наблюдательный К. Вильманс подмечал каждую особенность открывавшегося из поезда пейзажа, с большим знанием описывал встречавшиеся породы деревьев, кустарников и цветов, критиковал продукцию уральских кустарей за низкое качество и несоразмерно высокую цену. Путешествие до Верхнеудинска продолжалось неделю. Из разнообразных путевых впечатлений особенно интересны описания озера Байкал, увидеть которое К. Вильманс мечтал давно, а также рек

Ангара и Селенга, удививших его своей величественностью и красотой. Местность за станцией Мысовая К. Вильманс описывал так: «Мы проезжали хорошо возделанные земли, ухоженные деревни с явно богатыми домами и множеством колодцев. Вечером мы пересекли Селенгу, чистую реку шириной с Рейн с большими лесистыми островами, и продолжали двигаться вдоль нее. Последние три часа до Верхнеудинска в свете заходящего солнца были изумительными. По другую сторону голубой реки тянулись местами лесистые, местами голые гряды холмов, резко выделявшиеся на фоне ясного неба»¹ [Wilmanns 1995: 87].

В столицу Бурят-Монгольской АССР Верхнеудинск (с 1934 г. — Улан-Удэ) путешественники прибыли 7 июня около девяти часов вечера. На перроне их встретили нарком здравоохранения БМАССР А. Т. Трубочеев и его заместитель В. Н. Жинкин. На двух автомобилях гостей отвезли в гостиницу «Централь» — небольшой двухэтажный особняк в центре города. Требовательному к комфорту К. Вильмансу условия размещения понравились: несмотря на скромность обстановки, комнаты были чистыми, хозяин — аккуратным, а еда — хорошей [Wilmanns 1995: 88].

Верхнеудинск эпохи НЭПа произвел на Карла Вильманса благоприятное впечатление. По улицам гуляли элегантно одетые женщины, чего профессора не наблюдали даже в Москве, везде шла оживленная торговля фруктами, овощами, сладостями, орехами и семечками. Занимавшие первые этажи зданий на главной улице города магазины, несмотря на свои небольшие размеры, содержались в хорошем состоянии. «На углах улиц стоят ларьки с сигаретами или лимонадом, — писал К. Вильманс. — Местами можно увидеть машины, много извозчиков, бурятские повозки с плетеным верхом, наездников-бурят, конников Красной Армии на роскошных лошадях, приподнявшихся в стремени: одним словом, живая картина, освещенная палящим солнцем» [Wilmanns 1995: 89].

А. Т. Трубочеев организовал для немецких врачей экскурсию по медицинским учреждениям города, а в перерывах между посещениями рассказывал им о развитии

бурятской автономии. У К. Вильманса сложилось впечатление, что советское правительство уделяет особое внимание новой республике, делая многое для развития и просвещения бурят. «Причины такого интереса очевидны, — резюмировал профессор, — Бурятская республика — палец руки Монголии» [Wilmanns 1995: 89].

Сначала А. Т. Трубочеев привез гостей в центральную больницу, занимавшую большое ухоженное двухэтажное здание, где познакомил их с врачами. Главный врач М. В. Танский не произвел на К. Вильманса положительного впечатления. Профессор писал: «Он был пожилым и выглядел совершенно незаинтересованным. То, что он рассказывал о болезнях почек и сердца, доказывало, что он застрял на месте и уже никуда не продвигается». Зато главный хирург Рещиков, заведующий серологической лабораторией Остроумов и гигиенист Гальперова показались ему интересными и компетентными специалистами; Гальперова к тому же обучалась в Берлине. Самым неожиданным персонажем оказался некто Цупан — лаборант, исполнявший обязанности врача. Цупан был немцем из Баната, бывшим военнопленным, надолго застрявшим в Верхнеудинске [Wilmanns 1995: 90]. Впоследствии он сопровождал профессоров в прогулках по городу, знакомя с жизнью и бытом местного населения.

Персонал и оборудование Верхнеудинской центральной больницы произвели на К. Вильманса двойственное впечатление. Профессора очень удивило, что врачи, официально имевшие шестичасовой рабочий день, реально выполняли всю работу за два-три часа, медсестры трудились всего шесть часов в день, а больничная прислуга работала все восемь часов. Хирургический корпус, располагавшийся в каменном двухэтажном здании, блистал чистотой, операционная была безупречной, в дезинфекционной комнате стояли современные немецкие аппараты. Рентген-кабинет был оснащен несколько устаревшим немецким оборудованием. В целом все соответствовало уровню обычной районной больницы в Германии.

Противоположное впечатление произвел терапевтический корпус больницы. После подробного осмотра серологической лаборатории А. Штюмер раскритиковал ее за отсутствие необходимых для точности

¹ Здесь и далее перевод М. А. Кононовой.

анализов химикатов. Доктор Гальперова пожаловалась на отсутствие термошкафов, стекол и других расходных материалов. Даже имевшиеся предметные стекла для микроскопов были зеленого цвета: их изготавливали на Верхнеудинском стекольном заводе [Wilmanns 1995: 90].

Нарекания немецких специалистов вызвал и венерологический диспансер. Несмотря на просторные залы ожидания, кабинет для лечения гонореи был очень примитивным, а врач, делавший вливания сальварсана, все операции производил, игнорируя правила асептики. «Раствор сальварсана — помутневшая жидкость в рюмках для шнапса, которая в большом объеме была заготовлена перед началом приема и использовалась всю первую половину дня, — отмечал К. Вильманс. — Доктор, как нам показалось, не владел достаточным количеством знаний и был совсем незаинтересованным» [Wilmanns 1995: 91]. Профессоры удивлялись не случайно: сальварсан представлял собой соединение ядовитого мышьяка, требовавшее особой точности и аккуратности при приготовлении раствора для инъекций. Небрежность врача могла привести к серьезным осложнениям у пациента, вплоть до летального исхода.

Позже Цупан провел для гостей экскурсию по городу. О пейзажах Верхнеудинска К. Вильманс писал: «С моста открывался невероятно красивый вид на холмистый северный берег реки, на котором стояли домики и несколько белых церквушек. Жизнь кипела и на воде: в места для купания скота заводили лошадей, а в реке купалось множество людей... На западе горизонт прерывался цепью пологих, голых холмов, которые вместе с Селенгой терялись где-то на юге, в Монголии» [Wilmanns 1995: 93]. Понравились немцам и верхнеудинский базар с его многонациональной пестротой, и обед в китайском ресторанчике на главной улице. Верхнеудинские музеи не произвели особого впечатления. В естественнонаучном музее часть экспонатов и учебных пособий была не местная, а немецкого производства, даже коллекции жуков и бабочек. Городской исторический музей хранил «... кринолины, одежду, шапки наших бабушек, старинные иконы, бурятские украшения, медали, фотографии жителей Верхнеудин-

ска и т. д. — вещи, представляющие интерес для очень ограниченного числа людей» [Wilmanns 1995: 92].

Цупан рассказал профессорам многое из недавней истории города. Сын зажиточного шваба из Темешвара (совр. Тимишоара, Румыния), он изучал медицину в Венском университете и после начала Первой мировой войны был призван в австро-венгерскую армию. Вскоре Цупан попал в русский плен и оказался в лагере для военнопленных Нижняя Березовка (совр. ст. Дивизионная близ г. Улан-Удэ). Освобожденный после Октябрьской революции, он не имел средств, чтобы вернуться на родину и провел весь смутный период в Верхнеудинске.

Цупан рассказал об американском военном контингенте, расквартированном в Верхнеудинске в 1919–1920 гг. Начав сотрудничать с американцами в качестве переводчика, он быстро зарекомендовал себя сведущим в медицине и стал работать по специальности. Цупан скептически отзывался о профессионализме американских врачей, которые, по его мнению, по уровню подготовки стояли даже ниже русских медиков. Однако американцы были отлично оснащены медицинским оборудованием и медикаментами, которые при своем внезапном отъезде они оставили в Верхнеудинске. Это вселило в К. Вильманса уверенность в том, что большая часть лекарств в городских аптеках — американское наследие [Wilmanns 1995: 94].

К. Вильманс проникся доверием к Цупану не только из-за его любезности, но и вследствие серьезной медицинской подготовки, которую тот показал. «На самом деле Цупан имеет поразительно хорошие знания, — писал профессор. — Он читал работы Фольхарда, знает учебник Креля... Я честно сказал ему, что он просидел в этом гнезде почти десять лет и потерял много драгоценного времени на свое обучение» [Wilmanns 1995: 95]. Но ни денег, ни родственников у Цупана не осталось; он даже не знал, частью какой страны стал его родной Банат. «Будет обидно, если его жизнь закончится в Верхнеудинске, — резюмировал К. Вильманс. — Он, наверное, отчасти перенял русский фатализм и равнодушие, в противном случае он бы должен был найти возможность вырваться отсюда» [Wilmanns 1995: 95].

9 июня 1926 г. началась самая интересная часть путешествия — рабочая поездка в село Домно-Еравну, где немецкие профессора должны были осмотреть больных. Гостей сопровождал нарком здравоохранения А. Т. Трубочеев, а за рулем автомобиля «додж» находился опытный водитель Вешников, возивший главу республики М. Н. Ербанова. Около полудня путешественники выехали из города по дороге, соединяющей Верхнеудинск и Читу. Сама трасса носила условный характер: небольшие ручьи, стекавшие с гор к реке Уда, приходилось преодолевать на скорости, а мосты, переброшенные через более крупные притоки, располагались значительно выше уровня дорожного полотна. Местами дорога была сильно заболочена. Несколько раз машина застревала, так что водителю и всем пассажирам приходилось напряженно трудиться, чтобы высвободить ее [Wilmanns 1995: 100].

По дороге К. Вильманс отмечал развитое в тех местах скотоводство. В степи паслись огромные стада овец, коров, лошадей. Развлекаясь, шофер Вешников пугал их громкими сигналами клаксона. «Овцы убегали очень смешно, — писал К. Вильманс, — стадо из сотен животных внезапно развернулось, и их маленькие толстые хвосты метались туда-сюда, пока не исчезли в большом облаке пыли... Когда шофер подал сигнал, стада внезапно вздрогнули и в безумном страхе побежали по степи. Однако прекрасные лошади, пасущиеся в степи стадами в 50, 100 и более голов, оказались впереди и диким галопом скакали перед нами по дороге...» [Wilmanns 1995: 111].

По пути, чтобы отдохнуть и узнать дорогу, пришлось заезжать в близлежащие дома. В большой избе длинноротый русский крестьянин и три поколения его домочадцев тепло встретили путешественников, напоили их чаем с молоком, накормили хлебом с маслом, яйцами и сметаной, отказавшись от какой-либо платы [Wilmanns 1995: 112]. После этой остановки дорога стала практически идеальной. «Мимо проскользнули чудесные, сказочно-волшебные, красивые, тихие озера, на которых обитали разноцветные водоплавающие птицы, — писал К. Вильманс. — Вода в Уде была чистой, местами в ней лежало множество деревьев, вырубленных в горах. Солнце постепенно садилось, и пейзаж утопал в совершенно

невероятных оттенках. Высокие глинистые берега Уды, сама река, сухие заросли прошлогоднего тростника и ивовые кусты на другом пологом берегу, лесистые цепи холмов и вечернее небо создавали друг с другом сильный контраст: ярко-желтый берег, сияющая ультрамариновая Уда, ярко-красный тростник, светлые оливково-зеленые горы и бледно-голубое вечернее небо лежали друг на друге» [Wilmanns 1995: 113].

Отношение местных людей к путешественникам отличалось большим гостеприимством. В деревне Додо-Анинск (совр. с. Хоринск), где путники остановились на ночлег, компанию им, помимо двух хозяек дома, составили трое местных врачей. Один из них когда-то обучался в Государственном венерологическом институте им. В. М. Броннера и знал доктора Критштайна. Во время ужина удалось разговорить молчаливого наркома здравоохранения А. Т. Трубочеева. Гости узнали много нового о бурятах и их проблемах. «Бурят называют кочевниками, однако на самом деле они ими больше не являются, — заключил К. Вильманс. — ...Весной буряты покидают свое зимнее жилье и переезжают в летние квартиры; они такие же кочевники или, может, такие же не кочевники, как наши баварцы или альпийцы. Они ведут хозяйство, похожее на альпийское» [Wilmanns 1995: 115–116].

Немецкий врач оставил интересные сведения о ламах и их роли в жизни бурят. «Каждому буряту важно, чтобы хотя бы один из его сыновей стал ламой», — писал он в дневнике. «Ламы живут в безбрачии, женщинам никогда не разрешается входить в монастырь, — продолжал он. — Но принцип целомудрия почти не соблюдается; бурятские женщины в сумерках подъезжают к монастырю на своих тележках, и венерические болезни встречаются среди лам также довольно часто, хотя они и не столь серьезны, как у остального населения» [Wilmanns 1995: 116]. Новый строй пошатнул социальный статус лам. Их влияние на бурят, особенно на западе БМАССР, сильно ослабло. Однако как врачи ламы продолжали играть важную роль. Они брались лечить даже сифилис, хотя все чаще такими больными занимались европейские врачи. «Ламы лечат эту болезнь порошком, который вызывает тяжелую и продолжительную диарею, осла-

бляет общее состояние людей, но не оказывает значительного воздействия, — отмечал К. Вильманс. — Ламы признают превосходство сальварсана и сами ищут врачей, когда им нужны препараты. Однако при лечении внутренних болезней они уверены в себе и по-прежнему пользуются большой популярностью у людей. Они даже позволяют себе брать немалые деньги за свое знахарство» [Wilmanns 1995: 116].

На следующий день, остановившись, чтобы узнать дорогу к Эгитуйскому дацану, они собрали вокруг себя большую толпу местных жителей, привлеченных непривычным зрелищем автомобиля и пассажиров. В мужчинах, женщинах и детях Карл Вильманс увидел удивительное смешение рас. «Что за метисы! — восторгался он. — Чистые европеиды с большими голубыми глазами и льняными волосами, каких мы встречаем в наших северных немецких деревнях, бурятские мальчики с темными раскосыми глазами и густыми черными волосами, светловолосые дети с монгольскими узкими глазами и темноволосые — с большими и круглыми глазами: для исследователя, интересующегося расовыми смешениями и их законами, здесь имеется большое поле для изучения» [Wilmanns 1995: 119].

К. Вильманс был прав. Дореволюционные ученые активно интересовались вопросами метисации населения Забайкалья [Талько-Грынцевич 1902а; Талько-Грынцевич 1902б], а в раннесоветский период такие исследования проводились с вполне прагматичными целями. В 1926 г. заместитель наркома здравоохранения БМАССР В. Н. Жинкин провел в агинских степях сравнительное исследование групп крови и расово-биологического индекса Хирцфельда; одним из интересовавших его вопросов было то, является ли повышенная заболеваемость бурят социальными болезнями следствием врожденной предрасположенности к ним [Жинкин 1927]. В 1931 г. в Троицкосавском аймаке работала Бурят-монгольская антропологическая экспедиция, специально изучавшая бурятско-русских метисов. Преследовались две цели: выяснение особенностей физического развития смешанного населения и их способности к промышленному труду и опровержение расовой теории, постулировавшей вырождение человека в результате метисации [Хартанович 2011: 86].

Неизгладимое впечатление на К. Вильманса произвел Эгитуйский дацан. Панораму монастыря он назвал похожей на сказку. «Посредине, возвышаясь над всем вокруг, стоял храм в маньчжурском стиле, — писал К. Вильманс. — На фронтоне и на углах его изогнутой крыши в лучах яркого солнца сияли золотые украшения. Большой храм окружен меньшими постройками в том же стиле» [Wilmanns 1995: 120]. Из-за того, что фотоаппарат путешественников вышел из строя, волшебную картину пришлось запоминать. В дневнике этот момент описан так: «Мы были так удивлены и тронуты видом этой совершенно неожиданной картины в бесплодной степи, что остановили машину, чтобы насладиться ей в тишине и, если возможно, запомнить» [Wilmanns 1995: 121].

В дацане путешественников гостеприимно встретил настоятель (ширетуй). Он лично провел профессоров по храмам; экскурсию сопровождала яркая процессия из лам и знатных бурят. «После главного храма мы посетили другой особый маленький храм, где в гигантском стеклянном шкафу располагалась так называемая модель рая, — писал К. Вильманс. — Она раскрывала некую очень детскую фантазию: Будда и его ученики восседают на тронах на облаках, ангелы парят в воздухе, большие зеркальные стекла изображают озера, на которых плавают красивые птицы и купаются обнаженные люди» [Wilmanns 1995: 124].

В мамба-дацан — медицинский институт путешественники не попали под предлогом того, что ламы потеряли от здания ключ. Зато эмчи-лама, пригласивший профессоров к себе домой, показал около сотни различных тибетских лекарств и подарил образцы. Интересным показалось ламское лекарство от сифилиса. Сопровождавший гостей врач Эллингер определил в нем большое количество ртути в форме каломели. Особый же интерес у К. Вильманса вызвала тибетская книга по анатомии, содержащая рисунки, очень похожие на анатомические изображения из арабских медицинских книг. «Несомненно, к тибетцам эти знания пришли от индийцев. У арабов они также появились от них? Возможно через Сасанидов», — рассуждал К. Вильманс [Wilmanns 1995: 125].

За время поездки профессора посетили два дацана — Эгитуйский и Анинский. Визит в Анинский дацан состоялся 12

июня на обратном пути из Домно-Еравны. Там путешественники осмотрели храм с огромной статуей Будды. Анинский дацан, один из старейших в Бурятии, произвел на К. Вильманса большое впечатление, хотя встречали их здесь не так гостеприимно, как в Эгитуте: ширетуй был болен. Его заместитель провел гостей по храмам и показал им ежедневную службу, сопровождавшуюся звуками литавр, барабанов и больших труб. По словам К. Вильманса, экскурсия по Анинскому дацану была слишком быстрой и полученные впечатления смешались [Wilmanns 1995: 131].

В пункте назначения путешествия Домно-Еравне профессора провели менее двух дней. На второй день работы пошел проливной дождь и, опасаясь, что дорогу совсем размочит, они запросились обратно в Верхнеудинск. Однако медицинские осмотры ожидавших их пациентов врачи начали сразу после приезда. В первый день удалось осмотреть около 50 человек.

Районная больница с амбулаторией, аптекой и стационаром на 15 коек показала немецким специалистам чистой и просторной, но примитивно и некачественно оборудованной. Общение же с пациентами, наоборот, произвело хорошее впечатление. «Буряты были безгранично доверчивыми, во всем послушными, терпеливыми и добродушными и допускали любые манипуляции с собой во время осмотра, — писал К. Вильманс. — У них был один недостаток: они были все в грязи и паразитах. Кожные воспаления от грязи и сыпь от вшей были обычным явлением». Люди в Домно-Еравне не произвели на профессора столь сильного впечатления, как жители Эгитуты [Wilmanns 1995: 127].

На обратном пути вновь оказавшись в Додо-Анинске, профессора побывали на приеме в местной больнице, где вновь убедились в большой распространенности третичного сифилиса среди бурят. Там же у них произошел напряженный разговор с Критштайном по поводу оснащенности гигиенического пункта микроскопами. То, что немецкие коллеги заметили отсутствие микроскопа и указали на этот факт, не понравилось представителю Наркомздрава РСФСР. В ответ под разными предлогами их не пустили осмотреть гигиеническую лабораторию. «После этого, — записал в дневнике К. Вильманс, — мы не смогли

сдержать злобное замечание о том, что гигиеническому институту срочно требуется капитальный ремонт кровли. Кстати, я считаю, что работа гигиениста здесь была больше политической, чем медицинской» [Wilmanns 1995: 134].

После возвращения в Верхнеудинск профессора посетили кумысолечебницу, расположенную в дачном пригороде Верхняя Березовка. Заведующий лечебницей доктор Нагибин, приват-доцент Иркутского университета, произвел на немецких врачей хорошее впечатление, хотя они остались при своем скептическом мнении о лечении туберкулеза кумысом. Кроме того, их поразила высокая стоимость питания и лечения в этом медучреждении: один день пребывания обходился в шесть рублей — сумму, значительную даже для германских ученых [Wilmanns 1995: 137].

Во время вечернего отдыха в гостиницу к немцам пришел эмчи-лама. Его К. Вильманс описал как человека «со скромными манерами, дружелюбной улыбкой и большими очками в роговой оправе». Лама рассказал профессорам о непростом положении буддийского духовенства. У богатых в недавнем прошлом дацанов правительство отняло землю, которую они раньше сдавали в аренду. После войны буряты обеднели и стали жертвовать на монастыри гораздо меньше, чем в былые времена. Многие ламы и хувараки покинули дацаны и устроились на работу. Если раньше в монастыре этого ламы было 500 хуварак, на момент разговора там не было даже 300 учеников [Wilmanns 1995: 138].

Когда К. Вильманс спросил ламу о его отношении к европейской медицине, тот дал уклончивый ответ: «Обе практики хороши, и тибетская, и европейская; просто врачи не всегда выбирают правильное лекарство, подходящее для определенной болезни. В целом европейская медицина, вероятно, лучше подходит для лечения наружных болезней (например, сифилиса), а тибетская медицина — для лечения внутренних». После этого лама быстро прервал разговор и откланялся. К. Вильманс предположил, что обсуждавшиеся темы оказались для него слишком каверзными [Wilmanns 1995: 138].

В последние дни в Верхнеудинске профессора должны были попасть на прием к председателю СНК БМАССР М. Н. Ербанову, но тот внезапно уехал и перепоручил

гостей Убугунову, своему заместителю. Убугунов произнес перед К. Вильмансом и А. Штюмером официальную речь, в которой выразил им признательность за визит в Бурят-Монголию и надежду, что это поможет укрепить дружбу великого немецкого народа с народом маленькой республики и что в следующем году немецкая делегация вернется в большем составе и на более долгий срок. В ответном слове К. Вильманс подчеркнул, что «с тем пониманием, с которым Бурятская республика относится к педагогическим и медицинским вопросам можно сделать хорошие прогнозы для дальнейшего развития» [Wilmanns 1995: 140]. «Большой проблемой бурят является сифилис, — отметил он и продолжал. — Если мне скажут, что согласно статистике на каждые 16 смертей приходится 12 новорожденных, то в первую очередь виноват сифилис. Этот тревожный знак, верный признак того, что бурятское население вымрет, если не удастся подавить и практически полностью победить его. Добиться этого можно только с помощью активного терапевтического лечения. Мы, немцы, очень заинтересованы в благополучии этого отзывчивого народа и готовы на все, чтобы способствовать сотрудничеству немецких, русских и бурятских врачей» [Wilmanns 1995: 140]. Профессор не преминул напомнить, что научная экспедиция для изучения и искоренения сифилиса в БМАССР требует больших финансовых ресурсов и необходима всесторонняя помощь правительств СССР и Бурят-Монгольской АССР. На это Убугунов заверил немецких специалистов в готовности руководства республики по мере возможности содействовать экспедиции [Wilmanns 1995: 141].

Карл Вильманс и Альфред Штюмер покинули Верхнеудинск 16 июня 1926 г. Их путь лежал через Иркутск, где они планировали встретиться с представителями медицинского факультета Иркутского госуниверситета. Однако из-за проблем с покупкой билетов на московский поезд лекция так и не состоялась. Иркутские врачи усмотрели в этом проявление неуважения к ним и написали на профессоров жалобу, попавшую к главе Особого общества содействия немецкой науке (*Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft*) Ф. Шмидт-Отту. В ГА РФ сохранилась переписка Ф. Шмидт-Отта с К. Вильмансом и А. Штюмером, объясня-

ющая загадочно возникшее напряжение в отношениях с советской стороной, которое С. Гросс Соломон посчитала проявлением политических подтекстов. На самом деле ситуация оказалась намного проще.

По возвращении в Верхнеудинск из Домно-Еравны профессора попросили А. Т. Трубочеева достать им билеты на поезд из Иркутска в Москву на 17 июня. Пообещав выполнить просьбу, нарком, видимо, забыл о ней, но затем уверил, что в Иркутске обязательно будут места в мягком вагоне до Москвы. А. Т. Трубочеев звонил в Читу, где ему ответили, что билетов до Москвы на 17 июня нет, а также обещал попросить иркутского профессора Топоркова занять для немецких врачей два места [Wilmanns 1995: 139]. По-видимому, ничего так и не удалось добиться. В Иркутске Топорков, Левит, К. Вильманс и А. Штюмер провели много времени в телефонных переговорах с железнодорожным ведомством и умудрились на два часа опоздать на злополучную лекцию. «Я признаю, — объяснял в письме Шмидт-Отту Карл Вильманс, — что нашим упущением было то, что мы не уведомили преподавателей вовремя о том, что не сможем это сделать. Когда мы поняли, что время упущено, мы незамедлительно выразили свое крайнее сожаление по этому поводу» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 7. Л. 435–436].

Однако существовал ряд других противоречий, которые немецкие профессора считали недоразумением, а советская сторона — политическими вопросами, требующими разъяснений. Советские спутники профессоров, обсуждавшие с ними все рабочие вопросы, посчитали, что К. Вильманс и А. Штюмер не согласились с наличием эндемического сифилиса в Домно-Еравне. От начальства в Москве не укрылось и то, что профессора провели на месте исследования всего полтора дня, чего было явно недостаточно для обоснованных выводов. К тому же советские коллеги жаловались, что К. Вильманс и А. Штюмер пришли к выводу о приоритете лечения над научным изучением сифилиса. По их мнению, это бросало тень на усилия советской стороны по массовому лечению сифилиса в БМАССР. Предложение А. Штюмера отправить к нему на обучение серолога Критштайна и верхнеудинского врача Остроумова было воспринято как намек на немецкое превосходство [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 7. Л. 431–432].

Развернутые ответы К. Вильманса и А. Штюмера на предъявленные претензии полностью сходятся в общей логике, незначительно отличаясь в профессиональных деталях. Венеролог А. Штюмер объяснял Ф. Шмидт-Отту, что, по его мнению, сифилис у бурят отличается от других эндемических форм сифилиса, например абиссинской или боснийской. В подавляющем большинстве случаев он не был врожденным, а наоборот – явно приобретенным половым путем половозрелыми людьми [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 7. Л. 437, 437об.]. Что касается краткости пребывания в Домно-Еравне, профессора ссылались на мнение своих местных спутников, что из-за дождя они могут застрять там на много дней, чего А. Штюмер не мог себе позволить из-за строительства его новой клиники. По вопросу о приоритете лечения над исследованием оказалось, что еще на первой встрече в берлинской квартире Я. Р. Гольденберга немецкие и советские врачи договорились о том, что экспедиция будет не исключительно исследовательской, но также и лечебной. Поэтому никакого повода обвинять немецких специалистов в пренебрежении к советским методам лечения сифилиса у русских коллег не было. Наоборот, К. Вильманс и А. Штюмер постоянно выражали восхищение достижениями советских медиков в таких тяжелых условиях [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 7. Л. 437об.].

Обвинение же в демонстрации немецкого превосходства через приглашение Критштайна и Остроумова в сифилидологическую клинику А. Штюмера в Мюнстере по сегодняшним меркам вообще звучит абсурдно. Вспомним строки дневника К. Вильманса, где описана реакция А. Штюмера на отсутствие обычных для произведения теста Вассермана химикатов в серологической лаборатории. То, что для немецкого сифилидолога выглядело грубым нарушением технологии — при отсутствии реактивов получить точный результат единственного в то время анализа на сифилис было невозможно, советскими спутниками было воспринято как обидная демонстрация немецкого превосходства. Нужно отметить, что именно реакция советской стороны обнажила всю глубину проблем подготовки местных врачей. Вместо того, чтобы адекватно отреагировать на мнение профессионалов, кто-то из попутчиков затаил на

немцев обиду. Объясняя свою позицию, А. Штюмер писал: «Проведение реакций на сифилис дает некоторым исследователям такую большую свободу для индивидуального видоизменения методов, что сравнение результатов становится возможным только в том случае, если все работающие в лаборатории обучатся одному и тому же методу. Я думаю, что наилучший способ добиться этого, если оба коллеги могли бы обучаться в моей клинике хотя бы некоторое время» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 7. Л. 438].

К сожалению, хорошо начинавшаяся и прошедшая в явно дружественном Бурят-Монголии и СССР ключе рекогносцировочная поездка К. Вильманса и А. Штюмера была омрачена этими «кляузами вдогонку», которые С. Гросс Соломон ошибочно приняла за проявления политических противоречий. Как видно из документов, мы имеем дело с простым очернительством, вырыванием фраз из профессионального контекста, банальным кляузничеством. Тем не менее оно едва не погубило всю идею экспедиции. Чтобы заново запустить маховик ее подготовки, потребовалось вмешательство Н. П. Горбунова, С. Ф. Ольденбурга, А. С. Енукидзе и других высших официальных лиц СССР. Но ни К. Вильманс, ни А. Штюмер в последующих исследованиях и работе экспедиции 1928 г. участия уже не принимали. По-видимому, они были оскорблены несправедливым отношением к себе.

Выводы

В путевом дневнике Карла Вильманса отразились не только яркие впечатления о путешествии в Бурят-Монгольскую АССР летом 1926 г., но и реалии советско-германского межвоенного сотрудничества. Это делает его ценным источником для региональных историков, изучающих повседневную жизнь Бурятии в разгар эпохи НЭПа, исследователей международных связей СССР и историков медицины, занимающихся советско-германским медицинским сотрудничеством в 1920-е гг. Сцены повседневной реальности на периферии СССР, отражающие яркую и противоречивую эпоху НЭПа, выхваченные наблюдательным глазом рационалиста, придававшего значение материальной стороне быта, разворачивают перед нами панораму насыщенной, в целом благополучной жизни. Материалы дневни-

ка составляют заметный контраст архивным документам, в основном фиксирувавшим проблемы.

Судя по всему, К. Вильманс проникся симпатией к бурятскому народу и глубоко сочувствовал ему. В тексте не обнаружено мнений и характеристик, даже по сегодняшним стандартам подходящих под описание расистских, супрематистских или колониальных. Напротив, чувствуется искреннее удивление К. Вильманса необычным смешением рас и народов в населении Бурятии, его интерес к разнообразию антропологических типов, побуждение рассказать об этом заинтересованным ученым кругам. Для родившегося и прожившего до шести лет в Мексике К. Вильманса метисы вряд ли представляли собой что-то необычное. Однако яркие описания типажей, встреченных в Бурят-Монголии, свидетельствуют о глубоких и в целом положительных впечатлениях автора. Нет в его дневнике и характерных для того времени размышлений о вырождении под влиянием метисации; есть лишь вполне реальные опасения за судьбу бурятского народа, столкнувшегося с действительно серьезным вызовом опасного для наследственности заболевания.

На этом фоне совершенно надуманные выглядят предъявленные постфактум, в форме жалоб, обвинения в политически негативных оценках советской действительности. Нельзя исключать того, что достигшие профессиональных высот в психиатрии и венерологии немецкие профессора могли оборонить несколько скептических или даже колких фраз в отношении уровня подготовки советских врачей, оснащенности местных лабораторий, физического состояния осматриваемых ими пациентов. Однако советские

медицинские публикации того же периода о Бурят-Монголии в гораздо более жесткой форме фиксируют особенности традиционного быта, культуры и нравов местного населения. То же самое наблюдается в советских материалах 1920-х гг. о Монголии, Туве, Синьцзяне, Афганистане. После прочтения дневника Карла Вильманса можно констатировать, что обычная для врачебного взора фиксация расхождений с европейской гигиенической нормой в этих записях выражена очень умеренно. Возможно, немецкий врач записывал для себя лишь положительные впечатления, не акцентируя внимания даже на явно возмутительных проявлениях непрофессионализма или халатности. Однако точность, с которой написан дневник, говорит об обратном. Несмотря на несколько неприятных эпизодов, поездка К. Вильмансу понравилась. Именно благодаря этому сегодня в руках у историков оказался столь ценный источник информации о повседневной жизни Бурят-Монголии середины 1920-х гг.

Собственно медицинская часть дневника скудна и не дает возможности судить о глубине изучавшейся немецкими профессорами проблемы. Однако сам жанр путевого дневника, который К. Вильманс планировал передать потомкам, не предусматривает детальных профессиональных описаний. Для этого существуют другие документы, которые К. Вильманс и А. Штюмер заполняли с немецкой педантичностью. К счастью сохранившиеся в ГА РФ, эти источники лишь частично вошли в настоящую статью. Детальное рассмотрение рабочих документов К. Вильманса и А. Штюмера и их сравнение с материалами путевого дневника будет выполнено в следующих публикациях на данную тему.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.
BAP — Bundesarchiv Abteilung Potsdam.
Wilmanns 1995 — *Wilmanns K.* Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926 / Hrsg. W. U. Eckart. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1995. 313 s.

Бурят-Монгольская Правда 1928, 1929 — Бурят-Монгольская Правда / орган Бурятского обкома ВКП(б), Бурятского ЦИКа и Бурятского профсовета. Верхнеудинск, 1928, 1929.
Вечерняя Москва 1928 — Вечерняя Москва / Газета Московского городского комитета ВКП(б) и Моссовета. М., 1928.
По Бурято-Монголии 1929 — По Бурято-Монголии [видеозапись] / реж. Л. Степанова; опер. В. Беляев. М.: Совкино, 1929.

Sources

- Archives of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch.
 Bundesarchiv, Abteilung Potsdam.
 State Archive of the Russian Federation.
Buryat-Mongol'skaya Pravda (newspaper). Verkhneudinsk (Ulan-Ude), 1928, 1929. (In Russ.)
 Stepanova L. (dir.) Across Buryat-Mongolia (video film). V. Belyaev (cameraman). Moscow: Sovkino, 1929. (In Russ.)
Vechernyaya Moskva (newspaper). Moscow, 1928. (In Russ.)
 Wilmanns K. Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926 (Students, Lamas, Leninists. Diary of the Journey across Russia towards Buryatia in the Summer of 1926). W. Eckart (ed.). Pfaffenweiler: Centaurus, 1995. 313 p. (In Germ.)

Литература

- Башкуев 2012 — *Башкуев В. Ю.* Геополитические аспекты советско-германского сотрудничества в области медицины в 1920-х гг. // Власть. 2012. № 2. С. 145–149.
 Башкуев 2014 — *Башкуев В. Ю.* Геополитика и евгеника в контексте научного изучения Бурят-Монгольской АССР в 1920-х – начале 1930-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 140–145.
 Башкуев 2016 — *Башкуев В. Ю.* Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2016. 436 с.
 Башкуев, Шеноева 2019 — *Башкуев В. Ю., Шеноева П. А.* Роль международного медицинского сотрудничества в развитии здравоохранения Бурятии (1923–1928 гг.) // Дальневосточный медицинский журнал. 2019. № 4. С. 47–52.
 Броннер, Бейлин 1936 — *Броннер В. М., Бейлин И. Б.* Научно-исследовательские работы в области здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР: труды первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 368–387.
 Жинкин 1927 — *Жинкин В. Н.* О кровяных группах и расово-биохимическом указателе у агинских бурят. Верхнеудинск: [б. и.], 1927. 10 с.
 Мавров 2009 — *Мавров Г. И.* История венерологии (сообщение 3). Венерология в России и СССР в XX веке // Дерматология та венерология. 2009. № 3 (45). С. 83–101.
 Прохоренков, Обухов, Родиков 2011 — *Прохоренков В. И., Обухов А. П., Родиков М. В.* О советско-германской экспедиции по изучению сифилиса в Бурят-Монгольской АССР (1928 г.) // Сибирский медицинский журнал. 2011. № 4. С. 135–137.
 Ратманов, Кирик 2019 — *Ратманов П. Э., Кирик Ю. В.* Представительство Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в Германии (1921–1929 гг.) в контексте международных связей Советской России // Дальневосточный медицинский журнал. 2019. № 4. С. 41–46.
 Талько-Грынцевич 1902а — *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К антропологии Забайкалья и Монголии // Антропологический журнал. 1902. № 2. С. 1–36.
 Талько-Грынцевич 1902б — *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Народности Центральной Азии. (Монголо-халхасцы, буряты и тунгусы). Антропологический очерк // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического общества. 1902. Т. V. Вып. 1. С. 39–77.
 Трубочеев 1936 — *Трубочеев А. Т.* Состояние и перспективы здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР: труды первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 349–367.
 Хартанович 2011 — *Хартанович М. В.* Бурят-Монгольская антропологическая экспедиция АН СССР 1931 г. // Наука из первых рук. 2011. № 3 (39). С. 84–91.
 Энгельстайн 2000 — *Энгельстайн Л.* Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2000. С. 217–268.
 Solomon 1993 — *Solomon S. G.* The Soviet-German syphilis expedition to Buriat-Mongolia, 1928: scientific research on national minorities // Slavic Review. 1993. Vol. 52. № 2. Pp. 204–232.
 Solomon 1995 — *Solomon S. G.* Das Reisetagebuch als Quelle für die Analyse binationaler medizinischer Unternehmungen // Lues, Lamas,

- Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926 / Hrsg. W. U. Eckart. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1995. S. 1–41.
- Solomon 1996 — *Solomon S. G.* Introduction: Germany, Russia, and medical cooperation between the wars // *Doing Medicine Together*; [ed. by S. G. Solomon]. Toronto: University of Toronto Press, 2006. Pp. 3–31.
- Weindling 1996 — *Weindling P.* German overtures to Russia, 1919–1925: between racial expansion and national coexistence // *Doing Medicine Together*; [ed. by S. G. Solomon]. Toronto: University of Toronto Press, 2006. Pp. 35–60.
- Russia. *Far East Medical Journal*. 2019. No. 4. Pp. 41–46. (In Russ.)
- Solomon S. G. Das Reisetagebuch als Quelle für die Analyse binationaler medizinischer Unternehmungen (The travel diary as a source for analysis of mutual medical arrangements). In: Wilmanns K. Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926 (Students, Lamas, Leninists. Diary of the Journey across Russia towards Buryatia in the Summer of 1926). W. Eckart (ed.). Pfaffenweiler: Centaurus, 1995. Pp. 1–41. (In Germ.)
- Solomon S. G. Introduction: Germany, Russia, and medical cooperation between the wars. In: Solomon S. G. (ed.) *Doing Medicine Together*. Toronto: University of Toronto Press, 2006. Pp. 3–31. (In Eng.)
- Solomon S. G. The Soviet-German syphilis expedition to Buriat-Mongolia, 1928: scientific research on national minorities. *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. No. 2. Pp. 204–232. (In Eng.)
- Talko-Gryntsevich Yu. D. Anthropology of Transbaikalia and Mongolia revisited. *Antropologicheskii zhurnal*. 1902. No. 2. Pp. 1–36. (In Russ.)
- Talko-Gryntsevich Yu. D. Peoples of Central Asia (Khalkha Mongolians, Buryats and Tunguses): anthropological essay. *Tr. Troitskosavsko-Kyakhtin. otd. Priamur. Otdela Imperator. Rus. Geogr. o-va*. 1902. Vol. V. Is. 1. Pp. 39–77. (In Russ.)
- Trubacheev A. T. Healthcare system of the Buryat-Mongolian ASSR: current state and prospects. In: Problems of the Buryat-Mongolian ASSR. Conference Proceedings. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. Pp. 349–367. (In Russ.)
- Weindling P. German overtures to Russia, 1919–1925: between racial expansion and national coexistence. In: Solomon S. G. (ed.) *Doing Medicine Together*. Toronto: University of Toronto Press, 2006. Pp. 35–60. (In Eng.)
- Zhinkin V. N. Aga Buryats: Blood Types and Race-Related Biochemical Indices. *Verkhneudinsk*, 1927. 10 p. (In Russ.)
- References**
- Bashkuev V. Yu. Geopolitical aspects of the Soviet-German medical cooperation in the 1920s. *Vlast'*. 2012. No. 2. Pp. 145–149. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. Geopolitics and eugenics in the context of the scientific study of the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s – early 1930s. *Vlast'*. 2014. No. 5. Pp. 140–145. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. Russian Medicine and the Mongolian World: Historical Experience of Interaction, Late 19th – Mid-20th Century. Irkutsk: Ottisk, 2016. 436 p. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu., Shenoeva P. A. The role of international scientific cooperation in the development of health care in Buryatia (1923–1928). *Far East Medical Journal*. 2019. No. 4. Pp. 47–52. (In Russ.)
- Bronner V. M., Beylin I. B. Scholarly papers on the healthcare system of the Buryat-Mongolian ASSR. In: Problems of the Buryat-Mongolian ASSR. Conference Proceedings. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. Pp. 368–387. (In Russ.)
- Engelstein L. Morality and the wooden spoon: Russian doctors view syphilis, social class, and sexual behavior, 1890-1905. In: David-Fox M. (comp.) *Russian Studies in the U.S.: Contemporary Historiography. Imperial Period*. Anthology. Samara: Samara University Press, 2000. Pp. 217–268. (In Russ.)
- Khartanovich M. V. USSR Academy of Sciences: 1931 anthropological expedition to Buryat Mongolia. *Science. First Hand*. 2011. No. 3 (39). Pp. 84–91. (In Russ.)
- Mavrov G. I. History of venereology (the message 3) venereology in Russia and the USSR in XX century. *Dermatologiya ta venerologiya*. 2009. No. 3 (45). Pp. 83–101. (In Russ.)
- Prokhorenkov V. I., Obukhov A. P., Rodikov M. V. About Soviet - German syphilis research expedition to Buryat Mongolia (1928). *Siberian Medical Journal (Irkutsk)*. 2011. No. 4. Pp. 135–137. (In Russ.)
- Ratmanov P. E., Kirik Yu. V. The representative office of the People's Commissariat of Health of Soviet Russia in Germany (1921–1929) in the context of international relations of Soviet